

УДК 94 (571) «192» (930)

В. А. Ильиных

*Институт истории СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

agro_iwa@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ СИБИРСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В 1920-Е ГОДЫ: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ*

Анализируется историография социальной мобильности сибирского крестьянства в 1920-е гг. Советские сибирские историки при анализе проблемы следовали официально принятой схеме социальной дифференциации советской доколхозной деревни. Исходя из имеющейся источниковой базы, за основу социально-классового деления деревни исследователи брали посевные группы, а с 1927 г. – группы по стоимости основных средств производства. Изменения в соотношении социальных групп использовались ими для определения базовых тенденций социальной мобильности. Наиболее активная дискуссия велась по вопросу о социальных сдвигах в сибирской деревне на рубеже 1910-х – 1920-х гг. В конце 1980-х гг. начался новый этап отечественной историографии. Оригинальная концепция социальной мобильности сибирского крестьянства была разработана автором настоящей статьи.

Ключевые слова: социальная мобильность, крестьянство, нэп, историография, дискуссия о классовом расслоении деревни, Сибирь.

Аграрные преобразования 1917–1921 гг., новая экономическая политика оказали существенное влияние на социальную мобильность сибирского крестьянства. Определение базовых тенденций социальных сдвигов в деревне было одним из приоритетных направлений проводимого в регионе в 1920-е гг. статистического мониторинга. Основным его методом являлись ежегодные выборочные сельскохозяйственные и гнездовые динамические переписи. Результаты выборки распространялись на всю генеральную совокупность. Крестьянские хозяйства в обработанных материалах сельскохозяйственных переписей, как правило, группировались по величине посевной площади¹, а с 1927 г. – по стоимости основных средств производства. Параллельно со сбо-

ром массовой статистической информации осуществлялась ее публикация. В 1920-е гг. появились первые аналитические обобщения полученных материалов, которые имеют историографическое значение (см.: [Ильиных, 2014]).

Собственно историографию проблемы следует вести с конца 1950-х гг., когда к ней обратились сибирские историки. В рамках своих работ они решали две взаимосвязанные задачи: выявление направленности социальной мобильности и установление удельного веса основных групп крестьянства. В концептуальном плане историки в целом следовали официально принятой схеме социальной дифференциации советской доколхозной деревни, в соответствии с которой основным итогом аграрной революции

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01725).

¹ Группировки по количеству рабочего скота и коров в хозяйстве были вторичными и значительно менее дробными.

в масштабах всей страны стала радикальная смена вектора социальной мобильности крестьянства. Если в предыдущий период в России шел интенсивный процесс капиталистического раскрестьянивания (разложения крестьянства на сельский пролетариат и сельскую буржуазию за счет «вымывания» средних слоев), то в 1917–1920 гг. произошла его нивелировка в форме осереднячивания. Число бедняцких и кулацких хозяйств существенно сократилось, а середняцких – увеличилось. Развитие товарно-денежных отношений после перехода к нэпу оказало влияние на социальное расслоение деревни. В середине 1920-х гг., наряду с продолжающимся действием основной закономерности – осереднячиванием (увеличение доли середняцких слоев деревни за счет бедноты), происходил некоторый рост полярных групп – батрачества и кулаков. В конце десятилетия начавшееся наступление на кулачество ускорило сокращение бедняцких дворов и «резко ослабило» кулачество.

В рамках официальной парадигмы существовала ограниченная определенными рамками возможность выявления региональной специфики процессов социальной мобильности. Применительно к Сибири она основывалась на высказываниях В. И. Ленина об относительно большей зажиточности сибирского крестьянства в дореволюционный период [1970б. С. 40], о сохранении в регионе после Гражданской войны сравнительно многочисленного кулачества [1970а. С. 59–60].

Исходя из имеющейся источниковой базы, большинство исследователей за основу социально-классового деления деревни в начале и середине 1920-х гг. брали посевные группы. При этом существовали различия в определении границ между группами по посеву при их переводе в социальные strata. В. М. Кулешов [1961. С. 15], В. Г. Тюкавкин [1966. С. 147] относили к бедняцким хозяйства с посевом менее 4 дес., А. К. Касьян [1961. С. 12], К. Г. Чаптыков [1965. С. 56] – менее 3, Л. М. Горюшкин [1966. С. 60], Н. Я. Гушин [1973. С. 130], Ф. С. Пестриков [1962. С. 26], Е. М. Хенкин [1965. С. 29], В. Е. Чаплик [1967. С. 9] – менее 2 дес. К кулацким, как правило, причислялись хозяйства, засевавшие более 10 дес. К. Г. Чаптыков опускал границу между кулаками и середняками до 9 дес. [1965. С. 56], Е. М. Хенкин – до 8–9 дес. [1965. С. 29],

В. Е. Чаплик – до 8 дес. [1967. С. 9]. Соответственно различными были и результаты. Так, по подсчетам Ф. С. Пестрикова, в 1920 г. кулацкими в Сибири были 13,8 % хозяйств [1962. С. 26], а по мнению В. Е. Чаплика – 17,8 % [1967. С. 9].

Очевидная недостаточность оперирования при стратификационных построениях только наличными посевными группами побудила ряд ученых прибегнуть к их корректировке. А. В. Гагарин, подсчитывая долю кулаков в 1925 г., помимо хозяйств с посевом более 10 дес. (их удельный вес в общем количестве дворов составлял 3,5 %) включил в их состав всех владельцев торгово-промышленных заведений из других посевных групп. К кулацким, таким образом, было отнесено 4,9 % крестьянских дворов (к середняцким – 56,1, к бедняцким – 39,0 %) [1959. С. 47].

Л. И. Боженко провел группировку по пяти признакам: посеву, рабочему скоту, коровам, стоимости средств производства, он вывел из них средние арифметические данные. В результате получилось, что в 1927 г. среди крестьянских хозяйств Сибири было 34,1 % бедняцких, 56,9 – середняцких и 9 % – кулацких [1969. С. 245].

Позднее Л. И. Боженко разработал более сложную комбинационную методику. Так, устанавливая по материалам выборочной сельхозпереписи 1925 г. удельный вес бедняцкой группы, он включил в нее прежде всего дворы без посева и с посевом до 3 дес.², исключил хозяйства, владевшие торговыми и промышленными предприятиями, имевшие 4 и более лошадей, а затем причислил к бедняцким хозяйства с посевом свыше 3 дес., не располагавшие пахотными орудиями, работниками, без рабочей силы, рабочего скота, коров и вообще без скота. Подобного рода перегруппировка была проведена в отношении середняцкой и кулацкой групп. В итоге доля бедняков в социальной структуре сибирской деревни в 1925 г. составила 44,5 %, середняков – 51,0, кулаков – 4,5 %. Аналогичные методики (адаптированные к особенностям базовых источников) им были применены при определении соотношения социальных групп в

² Л. И. Боженко в своих первых публикациях проводил социальную дифференциацию только по посевному признаку, относя дворы с посевом до 4 дес. к бедняцким, от 4 до 10 дес. – к середняцким и свыше 10 дес. – к зажиточным и кулацким [1971. С. 129].

1926 г. (бедняки – 39,6 %, середняки – 53,2, кулаки – 7,2 %) и в 1920 г. (см. ниже) [Боженко, 1978. С. 227–232; 1972. С. 95]. Тем не менее в основе подсчетов Л. И. Боженко по-прежнему лежала группировка по посеву.

Отказаться от нее позволяли лишь материалы гнездовых переписей 1927, 1928 и 1929 гг., в которых крестьянские хозяйства группировались непосредственно по социально-классовым группам. В основу их отнесения к той или иной группе была положена стоимость средств производства в сочетании с так называемыми социальными признаками (наем рабочей силы, сдача сельскохозяйственных машин, аренда земли). По мнению Н. Я. Гущина, подобный подход позволял достаточно точно установить социальную структуру деревни³. Обработка по данной методике гнездовой переписи 1927 г. дала следующие результаты: 9,8 % дворов было отнесено к «пролетарским» (батрацким), 20,4 – к «полупролетарским» (бедняцким), 63,1 – к хозяйствам «простых товаропроизводителей» (средняцким) и 6,7 % – к «мелкокапиталистическим» (кулацким) [1973. С. 132].

Изменения в соотношении социальных групп, а также групп крестьянских хозяйств по посеву использовались для определения базовых тенденций социальной мобильности. Наиболее активная дискуссия велась по вопросу об итогах социальных сдвигов в сибирской деревне на рубеже 1910–1920-х гг. В перегруппировке хозяйств в Сибири за время с 1917 по 1920 г. Л. И. Боженко видел хотя и менее масштабный, чем в европейской части страны, но все же начавшийся процесс осереднячивания, сокращения полярных групп и нивелировки крестьянства⁴. Резкое падение состоятельности сибирских крестьян в 1921–1922 гг. Л. И. Боженко также выдавал, хотя и с некоторыми оговорками, за своеобразное продолжение тен-

денции к осереднячиванию. На страницах 3-го тома «Истории крестьянства Сибири» он указывал на то, что, несмотря на заметное уменьшение в эти годы числа средних и многопосевных и увеличение числа маломощных хозяйств, «господствующее положение [в деревне] сохранялось за средней группой хозяйств» [Крестьянство Сибири..., 1983. С. 137]⁵. Тезис об осереднячивании деревни в указанный период разделял Н. Я. Гущин. По его мнению, «процесс осереднячивания деревни, который развернулся в центре России с 1918 г., в Сибири весной 1920 г. проявился в начальной стадии. Он значительно усилился в конце 1920 г., а также в 1921–1922 гг.» [1973. С. 50].

Противоположной точки зрения придерживался В. Е. Чаплик, который, как указывалось выше, относил к кулацким в 1920 г. 17,8 % крестьянских дворов региона. На основании данного показателя делался вывод о том, что «социально-экономические сдвиги, происшедшие среди крестьян Европейской России в 1917–1920 гг., не затронули сибирскую деревню» [1964. С. 7]. Снижение удельного веса дворов с посевом более 8 дес. к 1922 г. до 5,5 % исследователь также не считал показателем осереднячивания. По его мнению, данный процесс стал следствием «экономического саботажа» со стороны кулаков, которые умышленно сократили размеры посевных площадей, сохранив свой производственный потенциал [1967. С. 10; 1964. С. 31].

Подобная позиция, как полностью отрицающая действие в Сибири общероссийских закономерностей социальных сдвигов, вызвала критику со стороны Л. И. Боженко, Н. Я. Гущина и В. И. Шишкина [Гущин, 1972. С. 81, 83; *Историография крестьянства...*, 1975. С. 85, 126]. Н. Я. Гущин и В. И. Шишкин также критиковали позицию Ф. С. Пестрикова, который, по их мнению, «сглаживал» отличия между процессами социальной мобильности крестьянства в Сибири и европейской части страны [Гущин, 1972. С. 82–83; *Историография кре-*

³ Данную позицию разделял и В. П. Данилов [1979. С. 310–311].

⁴ К выводу о начавшемся осереднячивании сибирской деревни Л. И. Боженко пришел, сравнивая рассчитанные им параметры социальной структуры сибирской деревни в 1920 г., в соответствии с которыми доля кулацких дворов составляла 8 %, середняцких – 49, бедняцких – 43 % [1972. С. 97], с данными В. Г. Тюкавкина, включавшего в 1917 г. в кулацкую группу 20–24 %, в середняцкую – 36–40, в бедняцкую – 40–50 % крестьянских хозяйств региона [1966. С. 175].

⁵ В 1922 г. в Сибири, по данным Л. И. Боженко, удельный вес беспосевных и малопосевных хозяйств (до 3 дес.) составлял 67,7 %, среднепосевных (от 3 до 10 дес.) – 29,8, многопосевных (свыше 10 дес.) – 2,5 %. Их доля в общей площади посева соответственно составляла 32,3, 55,3 и 12,4 % [Крестьянство Сибири..., 1983. С. 137].

стьянства..., 1976. С. 86; Пестриков, 1967. С. 7–8].

Следует отметить, что Л. И. Боженко [1972. С. 97] и Н. Я. Гуцин [1973. С. 51], анализируя социальную мобильность крестьянства в конце 1910-х – начале 1920-х гг., использовали термин «нивелировка», который рассматривался ими как специфическое проявление процесса осереднячивания⁶.

В. И. Шишкин видел между осереднячиванием и нивелировкой существенные различия. Если первый термин означает «абсолютный и относительный рост средних слоев за счет хозяйственного подъема бедноты», то второй – «гораздо шире, так как наряду с осереднячиванием включает увеличение средних и низших групп в результате сокращения кулачества». Подобное разграничение, по его мнению, необходимо, поскольку увеличение доли середняков за счет кулаков нельзя оценивать «как консолидацию трудящегося крестьянства». В. И. Шишкин полагал, что на рубеже 1910–1920-х гг. часть бедноты поднялась до уровня середняков. Тем не менее в сибирской деревне в этот период преобладала нивелировка, так как более половины зажиточных и кулаков перешло в средние и низшие группы крестьянства. «Экспропрированное и экономически подрезанное диктатурой пролетариата кулачество, формально оказавшееся в разряде середняков, стало в политическом отношении наиболее активным отрядом контрреволюции» [Историография крестьянства..., 1975. С. 88].

Социальные процессы в середине 1920-х гг. каких-либо дискуссий, за исключением определения границ между группами крестьянства, не вызывали. Положение о превалировании осереднячивания при некотором росте полярных групп являлось общепринятым [Пестриков, 1966. С. 6; Гуцин, 1973. С. 126–127; Боженко, 1978. С. 258; Крестьянство Сибири..., 1983. С. 137]. Едиными были историки и при указании на более высокий, чем в целом по стране и большинству ее районов, процент кулачества и батраче-

ства в Сибири [Пестриков, 1966. С. 7; Гуцин, 1973. С. 133; Боженко, 1978. С. 259; Крестьянство Сибири..., 1983. С. 140].

Разночтения существовали в отношении периода конца 1920-х гг. Так, Ф. С. Пестриков рассматривал сокращение удельного веса кулацких хозяйств как непрерывный процесс, начавшийся после XV съезда ВКП(б) [1966. С. 24]. В. Е. Чаплик утверждал, что классовая структура деревни, сложившаяся к концу восстановительного периода, сохранялась вплоть до массовой коллективизации [1960. С. 36]. Н. Я. Гуцин указывал, что в 1928 г. «кулачество все еще продолжало численно увеличиваться, хотя темпы его роста, замедлились». По его мнению, начавшийся в 1928 г. процесс сокращения численности батрачества и «экономической мощи кулаков» значительно ускорился в 1929 г. [1973. С. 157, 159].

В конце 1980-х гг. начался новый этап отечественной историографии, характеризующийся отказом от идеологического единообразия, появлением принципиально новых трактовок проблем аграрного развития. При этом смена тематических приоритетов привела к практическому прекращению исследования проблем социального расслоения сибирской деревни. Исключением являются наши работы, в которых излагается оригинальная концепция социальной мобильности сибирского крестьянства (см.: [Ильиных, 1999; 2009]). Ее основные положения можно свести к следующим тезисам.

1. Установить четкие рубежи между отдельными стратами внутри крестьянства в силу их подвижности в историческом времени и природно-географическом пространстве практически невозможно. Даже применение относительно совершенных методик может привести лишь к условным результатам. Однако условность внутриклассовых границ не является препятствием для достаточно точного определения основных тенденций социальной мобильности крестьянства.

2. Социально-имущественная дифференциация крестьянства во многом детерминировалась его демографической дифференциацией (различием отдельных хозяйств по размеру и составу семьи). Малолюдное хозяйство, как правило, являлось маломощным, а многолюдное – более зажиточным. При этом крестьянское семейное дворохозяйство вероятностным образом проходило

⁶ Следует отметить, что к концу 1980-х гг. взгляды Н. Я. Гуцина изменились. В опубликованной в соавторстве с нами монографии происходившие в сибирской деревне в 1921–1922 гг. социальные сдвиги определялись как «поравнение» крестьянских хозяйств на общем низком уровне без всякой увязки данного процесса с осереднячиванием [Гуцин, Ильиных, 1987. С. 56].

ряд этапов своего развития. Молодая семья, состоящая из мужа, жены и малолетних детей, была относительно бедной. По мере вовлечения в трудовую деятельность детей происходило наращивание ее состоятельности. Женитьба сыновей и появление нескольких молодых семей в составе материнского хозяйства чаще всего приводили к его превращению в зажиточное. Раздел означал возникновение новых, значительно менее состоятельных хозяйств.

3. В конце XIX – начале XX в. под влиянием развития рыночных отношений имущественная дифференциация сибирского крестьянства приобрела более ярко выраженный социальный характер. Но разложение крестьянства в данный период еще не стало основным типом социальной мобильности сибирской деревни, а существовало как одна и притом не самая главная ее тенденция. Базовая модель социальной динамики в ней по-прежнему определялась демографической цикличностью развития отдельных семейных дворохозяйств.

4. В 1917–1920 гг. основным направлением социальной мобильности крестьянства был переход в менее состоятельные группы. При этом отсутствуют основания для определения данного процесса как осереднячивания. В сибирской деревне действительно произошло сокращение числа зажиточных хозяйств, но в то же время доля бедноты не только не уменьшилась, но даже увеличилась. Обеднячивание крестьянства, которое к 1920 г. проявилось лишь в начальной форме, значительно усилилось в конце 1920–1922 гг.

5. С 1923 г. в регионе началось восстановление аграрной экономики на базе нэпа, а доминирующим направлением социальной мобильности крестьянства вплоть до 1927 г. стал переход в более состоятельные группы. В это время произошло значительное увеличение удельного веса средних слоев за счет бедноты. Данный процесс можно условно определить как осереднячивание, но лишь относительно периода начала 1920-х гг. Сравнение социальной структуры сибирского крестьянства в 1916 и 1927 гг. показывает, что относительно дореволюционной нэповская деревня не осередняжилась, а нивелировалась на более низком среднем уровне. При этом и во время нэпа принадлежность крестьянского хозяйства к той или иной имущественной группе была по-преж-

нему взаимосвязана с размерами и составом семьи.

6. Проводимая большевистским режимом в конце 1920-х гг. политика «чрезвычайщины» привела к очередной смене вектора социальной динамики. В 1928–1929 гг. произошло повышение доли средних хозяйств при фактическом сохранении удельного веса маломощных и резком снижении зажиточных.

Список литературы и источников

Боженко Л. И. Об особенностях социально-экономического развития сибирской деревни к началу нэпа // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири: Докл. и сообщ. науч. конф., 23–24 декабря 1968 г. Курган, 1971. С. 123–131.

Боженко Л. И. К характеристике основных групп крестьянства Сибири после освобождения от колчаковщины // Вопросы истории Сибири. Томск, 1972. Вып. 7. С. 81–104.

Боженко Л. И. Сибирская деревня в восстановительный период. 1921–1925 гг. (Социально-экономические процессы и их регулирование в сибирской деревне). Томск: Изд-во ТГУ, 1978. 264 с.

Боженко Л. И. Соотношение классовых групп в сибирской деревне накануне коллективизации // Вопросы истории Сибири. Томск, 1969. Вып. 4. С. 237–252.

Гагарин А. В. К вопросу о классовом расслоении крестьянства к концу восстановительного периода // Доклады второй научной конференции кафедр общественных наук. Томск, 1959. С. 44–48.

Горюшкин Л. М. Сельское хозяйство Сибири в восстановительный период (1921–1925 гг.) // Сибирь в период строительства социализма и перехода к коммунизму. Новосибирск: Наука, 1966. Вып. 6. С. 46–69.

Гущин Н. Я. Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне (1926–1933 гг.). Новосибирск, 1972. 290 с.

Гущин Н. Я. Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск: Наука, 1973. 520 с.

Гущин Н. Я., Ильиных В. А. Классовая борьба в сибирской деревне. 1920-е – середина 1930-х гг. Новосибирск: Наука, 1987. 332 с.

Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М.: Наука, 1979. 360 с.

Ильиных В. А. Крестьянское хозяйство в Сибири (конец 1890-х – начало 1940-х годов): тенденции и этапы развития // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Сб. науч. тр. Новосибирск, 1999. С. 33–75.

Ильиных В. А. Социальная мобильность сибирского крестьянства: дискурс 1920-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 4. С. 85–89.

Ильиных В. А. Социальные сдвиги в сибирской деревне в 1920-е гг. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография, методы исследования и методология, опыт и перспективы. Материалы XXXI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2009. Кн. 2. С. 69–79.

Историография крестьянства советской Сибири / Л. И. Боженко, Н. Я. Гущин, В. И. Шишкин и др. Новосибирск: Наука, 1975. 478 с.

Касьян А. К. Сибирская деревня в 1926–1929 гг. (Материал для обсуждения на сессии по истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР). М., 1961. 25 с.

Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск: Наука, 1983. 390 с.

Кулешов В. М. Социально-экономическая и политическая обстановка в Сибири в период перехода от гражданской войны к мирному строительству (конец 1919 – 1924 г.) // Труды кафедр обществ. наук Новосибирского электротехнического ин-та. Новосибирск, 1961. Вып. 2. С. 3–27.

Ленин В. И. X съезд РКП(б). Доклад о замене разверстки натуральным налогом // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1970а. Т. 43. С. 57–73.

Ленин В. И. Современное положение и ближайшие задачи Советской власти // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1970б. Т. 39. С. 30–43.

Пестриков Ф. С. Борьба партийных и советских организаций Сибири за восстановление сельского хозяйства и осуществление

ленинского кооперативного плана (1920–1927 гг.) // Из истории партийных и советских организаций Сибири. Новосибирск, 1962. С. 6–55.

Пестриков Ф. С. Партийная организация Западно-Сибирского края в борьбе за социалистическое преобразование сельского хозяйства. 1927–1937 гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1967. 48 с.

Пестриков Ф. С. Партийные организации Западной Сибири в борьбе за победу колхозного строя (1927–1937 гг.). Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1966. 158 с.

Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня накануне Октября (К вопросу формирования социально-экономических предпосылок социалистической революции). Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966. 471 с.

Хенкин Е. М. Некоторые вопросы классовой дифференциации крестьянства Сибири в период перехода к новой экономической политике (1921–1922 гг.) // Тез. докл. преподавателей кафедр обществ. наук Новосибирского инженерно-строительного ин-та. Новосибирск, 1965. С. 29–30.

Чаплик В. Е. К вопросу о социальной дифференциации сибирского крестьянства 20-х годов // Материалы межкафедр. конф. Новосибирского мед. ин-та. Новосибирск, 1967. С. 5–12.

Чаплик В. Е. Новониколаевская губернская парторганизация в борьбе за восстановление и развитие народного хозяйства (1920–1925 гг.). Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1964. 100 с.

Чаплик В. Е. Сибревком – орган диктатуры пролетариата // Деятельность Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкома в 1919–1925 гг. Новосибирск, 1960. С. 3–43.

Чантыков К. Г. Деятельность партийных организаций Сибири по кооперированию крестьянства (1921–1927 гг.). Абакан: Красноярск. кн. изд-во, 1965. 120 с.

V. A. Ilinykh

*Institute of History of the SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

agro_iwa@mail.ru

SOCIAL MOBILITY OF SIBERIAN PEASANTRY IN 1920S: HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM

Agricultural transformations in 1917–1921 and New Economic Policy had great impact on social mobility of Siberian peasantry. Definition of basic tendencies of social change in village was one of priority directions in soviet historiography. While analyzing, Siberian historians followed authorized plan of social differentiation of soviet pre-kolkhoz village. On the assumption of the existing resource base majority of historians considered sowing groups as the basis of village social-class divide. There were some differences in determination of borders between the sowing groups in the process of their conversion to social ones. As a rule, the households with sowing more than 10 arpents were referred to kulaks, and less than 2 arpents – to paupers. Changes in correlation of social groups were used for defining the basic tendencies of social mobility. The most active discussion about results of social change in Siberian village took place in the late 1910s – 1920s. The majority of researchers attributed reorganization of households in Siberia in 1917–1920 as a start of the oseredniachivanie process. A sharp drop of Siberian peasants' financial sufficiency in 1921–1922 also was misrepresented as the oseredniachivanie tendency by the researchers. However, some historians considered that the social structure of Siberian village had not been changed in 1917–1920 and reduce of kulak households in 1921–1922 had resulted from “economic sabotage” on the part of kulaks. They intentionally cut the size of crop acreage and retained their production potential. Social processes of 1920s did not provoke any discussions. The statement about overrepresentation of oseredniachivanie in the context of some growth of polar groups was generally accepted. The historians were united while pointing out higher percent of kulaks in Siberia than in the country as a whole and in majority of its regions. The idea about weakening of kulaks in the late 1920s was common. A new phase of national historiography started in the late 1980s. The change of thematic priorities caused discontinuation of researches in social differentiation problems of Siberian village. The exceptions were the author's works where he represented the theory of social mobility of Siberian peasantry.

Keywords: social mobility, peasantry, NEP, historiography, discussion about village class divide, Siberia.

References

Bozhenko L. I. K karakteristike osnovnyh grupp krest'janstva Sibiri posle osvobozhdenija ot kolchakovshhiny. *Voprosy istorii Sibiri*. Tomsk, 1972, vyp. 7, p. 81–104. (in Russ.)

Bozhenko L. I. Ob osobennostjakh social'no-jekonomicheskogo razvitija sibirskoj derevni k nachalu njepa. *Voprosy agrarnoj istorii Urala i Zapadnoj Sibiri. Dokl. i soobshh. nauch. konf.*, 23–24 dekabrja 1968 g. Kurgan, 1971, p. 123–131. (in Russ.)

Bozhenko L. I. *Sibirskaja derevnja v vosstanovitel'nyj period. 1921–1925 gg. (Social'no-ekonomicheskie processy i ih regulirovanie v sibirskoj derevne)*. Tomsk, 1978, 264 p. (in Russ.)

Bozhenko L. I. Sootnoshenie klassovyh grupp v sibirskoj derevne nakanune kollektivizacii. *Voprosy istorii Sibiri*. Tomsk, 1969, iss. 4, p. 237–252. (in Russ.)

Chaplik V. E. K voprosu o social'noj differenciacii sibirskogo krest'janstva 20-h godov. *Materialy mezhhkafedr. konf. Novosibirskogo med. in-ta*. Novosibirsk, 1967, p. 5–12. (in Russ.)

Chaplik V. E. *Novonikolaevskaja gubernskaja partorganizacij v bor'be za vosstanovlenie i razvitie narodnogo hozjajstva (1920–1925 gg.)*. Novosibirsk, Zap.-Sib. kn. izd-vo, 1964, 100 p. (in Russ.)

Chaplik V. E. Sibrevkom – organ diktatury proletariat. *Dejatel'nost' Sibbjuro CK RKP(b) i Sibrevkoma v 1919–1925 gg.* Novosibirsk, 1960, p. 3–43. (in Russ.)

Chaptykov K. G. *Dejatel'nost' partijnyh organi zacij Sibiri po kooperirovanija krest'janstva (1921–1927 gg.)*. Abakan, Krasnojarsk. kn. izd-vo, 1965, 120 p. (in Russ.)

Danilov V. P. *Sovetskaja dokolhoznaja derevnja: social'naja struktura, social'nye ot-noshenija*. Moscow, Nauka, 1979, 360 p. (in Russ.)

Gagarin A. V. K voprosu o klassovom rassloenii krest'janstva k koncu vosstanovitel'nogo perioda. *Doklady vtoroj nauchnoj konferencii kafedr obshhestvennyh nauk*. Tomsk, 1959, p. 44–48. (in Russ.)

Gorjushkin L. M. Sel'skoe hozjajstvo Sibiri v vosstanovitel'nyj period (1921–1925 gg.). *Sibir' v period stroitel'stva socializma i perehoda k kommunizmu*. Novosibirsk, 1966, iss. 6, p. 46–69. (in Russ.)

Guschin N. Ya. *Sibirskaja derevnja na puti k socializmu. (Social'no-ekonomicheskoe razvitie sibirskoj derevni v gody socialisticheskoj rekonstrukcii narodnogo hozjajstva. 1926–1937 gg.)*. Novosibirsk, Nauka, 1973, 520 p. (in Russ.)

Guschin N. Ya., Il'inyh V. A. *Klassovaya bor'ba v sibirskoj derevne. 1920-e – seredina 1930-h gg.* Novosibirsk, Nauka, 1987, 332 p. (in Russ.)

Gushhin N. Ya. *Klassovaja bor'ba i likvidacija kulachestva kak klassa v sibirskoj derevne (1926–1933 gg.)*. Novosibirsk, 1972, 290 p. (in Russ.)

Henkin E. M. Nekotorye voprosy klassovoj differenciacii krest'janstva Sibiri v period perehoda k novej jekonomicheskoj politike (1921–1922 gg.). *Tezisy dokladov prepodavatelej kafedry obshhestvennyh nauk Novosibirskogo inzhenerno-stroitel'nogo in-ta*. Novosibirsk, 1965, p. 29–30. (in Russ.)

Il'inyh V. A. Krest'janskoe hozjajstvo v Sibiri (konec 1890-h – nachalo 1940-h godov): tendencii i etapy razvitija. *Krest'janskaja sem'ja i dvor v Sibiri v XX veke: problemy izuchenija*. Novosibirsk, 1999, p. 33–75. (in Russ.)

Il'inyh V. A. Social'naja mobil'nost' sibirskogo krest'janstva: diskurs 1920-h gg. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2014, № 4. (in Russ.)

Il'inyh V. A. Social'nye sdvigi v sibirskoj derevne v 1920-e gg. *Aktual'nye problemy agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy: istoriografija, metody issledovanija i me-todologija, opyt i perspektivy: Materialy HHHI sessii simpoziuma po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy*. Vologda, 2009, iss. 2, p. 69–79. (in Russ.)

Istoriografija krest'janstva sovetskoj Sibiri. Bozhenko L. I., Gushhin N. Ja., Shishkin V. I. et al. Novosibirsk, Nauka, 1975, 478 p. (in Russ.)

Kas'jan A. K. *Sibirskaja derevnja v 1926–1929 gg. (Materialy dlja obsuzhdenija n sessii po istorii sovetskogo krest'janstva i kolhoznogo stroitel'stva v SSSR)*. Moscow, 1961, 25 p. (in Russ.)

Krest'janstvo Sibiri v period stroitel'stva socializma (1917–1937 gg.). Novosibirsk, Nauka, 1983, 390 p. (in Russ.)

Kuleshov V. M. Social'no-jekonomicheskaja i politicheskaja obstanovka v Sibiri v period perehoda ot grazhdanskoj vojny k mirnomu stroitel'stvu (konec 1919 – 1924 gg.). *Trudy kafedry obshhestvennyh nauk Novosibirskogo eletrotehnicheskogo in-ta*. Novosibirsk, 1961, iss. 2, p. 3–27. (in Russ.)

Lenin V. I. Sovremennoe polozhenie i blizhajshie zadachi Sovetskoj vlasti. *Poln. sobr. soch.* Moscow, Politizdat, 1970, vol. 39, p. 30–43. (in Russ.)

Lenin V. I. X sezd RKP(b). Doklad o zamene razverstki natural'nym nalogom. *Poln. sobr. soch.* Moscow, Politizdat, 1970, vol. 43, p. 57–73. (in Russ.)

Pestrikov F. S. Bor'ba partijnyh i sovetskih organizacij Sibiri za vosstanovlenie sel'skogo hozjajstva i osushhestvlenie leninskogo kooperativnogo plana (1920–1927 gg.). *Iz istorii partijnyh i sovetskih organizacij Sibiri*. Novosibirsk, 1962, p. 6–55. (in Russ.)

Pestrikov F. S. *Partijnaja organizacija Zapadno-Sibirskogo kraja v bor'be za socialisticheskoe preobrazovanie sel'skogo hozjajstva. 1927–1937 gg.: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk*. Moscow, 1967, 48 p. (in Russ.)

Pestrikov F. S. *Partijnye organizacii Zapadnoj Sibiri v bor'be da pobezhu kolhoznogo stroja (1927–1937 gg.)*. Novosibirsk, Zap.-Sib. kn. izd-vo, 1966, 158 p. (in Russ.)

Tjukavkin V. G. *Sibirskaja derevnja nakanune Oktjabrja (K voprosu formirovanii social'no-ekonomicheskikh predposylok socialisticheskoj revoljucii)*. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1966, 471 p. (in Russ.)